

Городенский Н. Г. Полемика Локка против теории прирожденности и его собственные воззрения по вопросу о происхождении знания // Богословский вестник 1898. Т. 3. № 7. С. 43–68 (2-я пагин.).

Полемика Локка противъ теоріи прирожденности и его собственныя воззрѣнія по вопросу о происхожденіи знанія.

Ученіе Декарта о врожденныхъ идеяхъ ¹⁾, сначала встрѣченное недружелюбно въ католическомъ мірѣ, какъ нововведеніе сомнительнаго свойства, вскорѣ въ этой же сферѣ нашло себѣ и главную поддержку, когда благомыслящіе представители этого міра убѣдились, что нововведеніе Декарта не только не угрожаетъ религіознымъ интересамъ, но даже какъ нельзя болѣе для нихъ благопріятно. Такимъ образомъ, сначала встрѣтивши оппозицію со стороны ортодоксіи, теорія врожденныхъ идей затѣмъ была признана единственно ортодоксальной, такъ что „всякое возраженіе противъ нея считалось покушеніемъ на вѣру и религію“ ²⁾. Вслѣдствіе этого теорія врожденныхъ идей сдѣлалась обычнымъ и ходячимъ воззрѣніемъ въ извѣстныхъ сферахъ тогдашняго философскаго и богословскаго міра. Нужно думать также, что были въ числѣ послѣдователей Декарта и такіе, которые понимали прирожденные идеи болѣе опредѣленно, чѣмъ онъ самъ и видѣли въ нихъ готовый запасъ предшествующихъ опыту и независимыхъ отъ него познаній. (Такъ можно думать, судя по возраженіямъ Локка). Кромѣ того, еще въ то время въ Англии была цѣлая школа платоновцевъ (Кедвортъ, Моръ, Паркеръ, Гель и упоминаемый Локкомъ и Лейбницемъ лордъ Гербертъ Чербери ³⁾, кото-

1) См. нашу статью въ Бог. Вѣст. 1897. Сентябрь—Декабрь.

2) Тронцій. Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи. Москва. 1867. Стр. 35.

3) По словамъ Локка, лордъ Гербертъ указываетъ въ своемъ сочиненіи „Объ истинѣ“ слѣдующіе признаки врожденныхъ истинъ: 1) первоначальность, 2) независимость, 3) всеобщность. 4) достоверность, 5) необходи-

рые приближались къ картезіанцамъ въ вопросѣ о прирожденности идей ¹⁾).

Противъ указанныхъ сторонниковъ прирожденности и направлена была полемика Локка. Ей посвящена первая изъ четырехъ книгъ его „Опыта о человѣческомъ разумѣ“, Поставивъ своей задачей въ „Опытѣ“ объяснить происхожденіе человѣческаго познанія помимо врожденности, при помощи опыта, Локкъ предварительно какъ бы расчищаетъ путь къ выполненію этой задачи, указывая, что ученіе о врожденности и не нужно, и не основательно. При этомъ Локкъ говоритъ—сначала противъ врожденности теоретическихъ принциповъ, потомъ противъ врожденности практическихъ основоположеній.

Ученіе о врожденныхъ принципахъ ненужно и излишне, потому что, съ одной стороны, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и безъ врожденныхъ истинъ, просто чрезъ употребленіе своихъ естественныхъ способностей, люди могутъ достигнуть всѣхъ тѣхъ познаній, которыми они обладаютъ. Съ другой стороны, самыя очевидныя положенія, какъ простѣйшія истины геометріи и даже истина бытія Божія, могутъ остаться неизвѣстными для умовъ, обращенныхъ совсѣмъ къ другимъ предметамъ. Въ виду этого на ряду съ способностью къ образованію извѣстныхъ идей признавать ихъ врожденность—то же самое, что признавать прирожденными свѣтоточныя представленія, когда мы имѣемъ зрѣніе для того, чтобы получать ихъ отъ ви́шнихъ

мость, 6) обще согласіе. Въ своемъ сочиненіи „*o religio et miracula*“ онъ говоритъ о врожденныхъ основоположеніяхъ слѣдующее: „эти истины, которыя имѣютъ значеніе повсюду, не ограничиваются областью господства отдѣльной религіи; ибо онѣ начертаны въ душѣ съ неба и не нуждаются ни въ писанномъ, ни въ неписанномъ преданіи“. Указавъ такимъ образомъ признаки прирожденныхъ основоположеній, Гербертъ перечисляетъ въ качествѣ такихъ основоположеній слѣдующія: 1) есть высочайшее Существо, 2) оно должно быть почитаемо, 3) благочестіе, соединенное съ добродѣтелью, есть лучшій способъ богочитанія; 4) должно раскаиваться во грѣхахъ; 5) послѣ этой жизни есть награды и наказанія John. Locke. An essay concerning human understanding (Лондонское изданіе 1862 г. въ одномъ томѣ), book I, chapter III, § 15.

¹⁾ Фалькенбаргъ, Исторія новой философіи. Перев. подъ ред. Введенскаго, стр. 137, прим.

предметовъ ¹⁾. Мало того, что такое признаніе ненужно, оно даже прямо вредно, потому что оно ограничиваетъ пытливость человѣческаго ума, полагаетъ предѣлы его познанію, заставляя принимать на вѣру то, что требуетъ изслѣдованія, и даетъ поводъ уклоняться отъ трудовъ, необходимо соединенныхъ съ послѣднимъ ²⁾ „Легко вообразить себѣ, какъ происходитъ вслѣдствіе этого то, что люди чтутъ воздвигнутыхъ въ своей душѣ идоловъ, влюбляются въ свои давно пріобрѣтенныя понятія, кладутъ печать божественности на нелѣпости и заблужденія“, готовы принять любую несообразность за врожденный принципъ и чудовищныя измышленія своего мозга за печать Божества и дѣло рукъ Его ³⁾.

Ученіе о врожденныхъ принципахъ несомнительно, потому что факты—противъ этого ученія, а все, что хотятъ сказать нативисты въ его оправданіе, или само по себѣ невѣрно, или не доказываетъ того, что имъ нужно.

Въ доказательство прирожденности принциповъ, говоритъ Локкъ, обыкновенно ссылаются на ихъ общепризнанность.— Но, во-первыхъ, общее согласіе людей, если даже его признать фактомъ, могло бы доказывать прирожденность извѣстныхъ положеній лишь въ томъ случаѣ, если бы признаніе послѣдней было единственно-возможнымъ ихъ объясненіемъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Во-вторыхъ, этой общепризнанности на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не существуетъ, потому что большая часть человечества совсѣмъ не знаетъ такихъ положеній, которыя могутъ имѣть наибольшее притязаніе на признаніе ихъ прирожденности: таковы, напр., положенія: „что есть, то есть“. „для одной и той же вещи невозможно быть и не быть“ ⁴⁾. Наилучшимъ свидѣтельствомъ противъ общепризнанности какихъ либо истинъ, признаваемыхъ прирожденными, служатъ дѣти и слабоумные, которые не только не знаютъ этихъ истинъ, но даже и тогда, когда имъ указываютъ на эти истины, не понимаютъ ихъ и не могутъ дать на нихъ своего согла-

¹⁾ J. Locke. An essay, v. I, ch. II, § 1 ep. ch. IV, § 22

²⁾ *ibid.* ch. IV, § 24.

³⁾ *ibid.* § 26.

⁴⁾ *ibid.* 1, 2, § 2—4.

сія. Это показываетъ, что такъ называемыя прирожденныя истины вовсе не напечатлѣны въ нашей душѣ отъ природы, потому что совсѣмъ непонятно, какъ можетъ быть что-либо напечатлѣно въ нашей душѣ безъ того, чтобы она объ этомъ знала? Тогда придется допустить, что извѣстныя познанія прирождены намъ въ видѣ *способности* къ ихъ образованію. Но въ такомъ случаѣ придется всѣ знанія признать прирожденными, потому что нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое бы мы могли образовать, не имѣя на то способности. Такимъ образомъ, если ученіе о врожденности основоположеній должно имѣть какой-либо смыслъ, то подыими никакъ нельзя разумѣть истинъ, которыя нашъ разумъ не всегда знаетъ и которыхъ можетъ даже совсѣмъ никогда не узнать, потому что говорить, что какая-либо истина находится въ душѣ или въ умѣ и не замѣчается нами— все равно, что приписывать познанію одновременно бытіе и небытіе ¹⁾.

Чтобы устранить фактическое свидѣтельство противъ врожденности, представляемое ссылкой на дѣтей и слабоумныхъ, защитники прирожденныхъ истинъ говорятъ, что эти истины становятся извѣстными намъ съ началомъ употребленія нашего разума. Это выраженіе, говоритъ Локкъ, можетъ имѣть двойкій смыслъ: или,—что познаніе врожденныхъ истинъ лишь *по времени совпадаетъ* съ началомъ дѣятельности разума, или, — что это познаніе стоитъ въ *причинной зависимости* отъ употребленія разума. Ни то, ни другое не можетъ быть признано. — Вѣрно то, что тѣ общія и отвлеченныя истины, которыя обыкновенно признаются врожденными, становятся намъ извѣстны *не раньше* употребленія разума и въ этомъ случаѣ не представляютъ никакого исключенія изъ всѣхъ другихъ присущихъ намъ познаній, но вѣрно то, что время открытія этихъ истинъ нашимъ разумомъ совпадаетъ съ началомъ употребленія послѣдняго, потому что у дѣтей можно замѣтить многочисленные случаи употребленія разума гораздо раньше, чѣмъ они достигаютъ познанія истинъ, признаваемыхъ врожденными ²⁾. Нельзя допустить и того, что употребленіе разума

¹⁾ *ibid.* § 5.

²⁾ *Ibid.* §§ 12—13.

необходимо для обнаруженія присущихъ нашей душѣ врожденныхъ принциповъ. потому что—во-первыхъ, разумъ есть способность выводить неизвѣстное изъ извѣстнаго, между тѣмъ какъ прирожденныя познанія по самому понятію о нихъ должны быть намъ извѣстнѣе всѣхъ другихъ и, стало быть, независимы отъ какого либо вывода; во вторыхъ, даже странно думать, что тѣ самыя основоположенія, которыя должны бы были служить отъ природы данными руководителями разума, сами находятся нами чрезъ посредство послѣдняго ¹⁾). Такимъ образомъ, заключаетъ Локкъ, совершенно ложно, будто разумъ содѣйствуетъ познанію разсматриваемыхъ положеній, а если бы было вѣрно, то скорѣе бы доказывало, что эти положенія не прирождены намъ ²⁾).

Защитники прирожденныхъ истинъ ссылаются сначала въ доказательство ихъ прирожденности на общее согласіе относительно признанія этихъ истинъ. Когда имъ показываютъ въ опроверженіе этого на дѣтей и идиотовъ, то они ссылаются на то, что это общее согласіе имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда начнетъ дѣйствовать разумъ. Когда имъ говорятъ, что и въ этомъ случаѣ не бываетъ общаго согласія, то они еще болѣе ограничиваютъ свое положеніе, говоря, что согласіе съ извѣстною прирожденною истиною непремѣнно достигается, если мы человѣку, никогда не слыхавшему объ ней, укажемъ на нее, и смыслъ нашихъ словъ будетъ понятъ. Но это, по мнѣнію Локка, —вовсе не доказательство прирожденности. Если бы это принять за доказательство, то прирожденныхъ истинъ оказалось бы не менѣе, чѣмъ сколько у насъ вообще существуетъ представлений. Сюда бы пришлось отнести не только безчисленные математическія положенія, какъ $1+2=3$, $2+2=4$ и под., не только такія естественно-научныя положенія, какъ то, что два тѣла не могутъ одновременно занимать одно и тоже мѣсто въ пространствѣ, но и такія, какъ,—что бѣлое не есть черное, что четырехугольникъ не кругъ, что желтое не есть сладкое и проч.—однимъ словомъ всѣ тѣ предложенія, въ которыхъ различныя представленія отрицаются от-

¹⁾ *Ibid.* §§ 8—10.

²⁾ *Ibid.* § 11.

носителю другъ друга. Такъ какъ, далѣе, извѣстное положеніе можетъ быть прирожденнымъ лишь въ томъ случаѣ, если прирождены входящія въ составъ его представленія, то съ точки зрѣнія защитниковъ прирожденного знанія нужно будетъ признать прирожденными всѣ наши представленія цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ, формъ и т. д.—На это защитники врожденныхъ истинъ могутъ возразить, что указанные частныя положенія не врождены сами, а выведены изъ общихъ принциповъ, которые прирождены. Но такое представленіе дѣла противорѣчитъ фактамъ, которые показываютъ, что не частныя положенія выводятся изъ общихъ, а совсѣмъ наоборотъ, потому что по своему появленію первыя предшествуютъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, немедленное признаніе истины, какъ скоро она намъ предложена другими, не доказываетъ ея прирожденности. Напротивъ, то обстоятельство, что намъ для признанія ея нужно постороннее указаніе на нее, свидѣтельствуетъ скорѣе, что эта истина намъ не прирождена: если бы послѣднее было справедливо, тогда почему бы всѣмъ не знать этой истины помимо указанія на нее? неужели это указаніе можетъ быть яснѣе, чѣмъ свидѣтельство самой природы, напечатлѣвшей эту истину? Какимъ же образомъ тогда прирожденные принципы могутъ служить основоположеніями всего нашего знанія, каковыми онѣ должны быть по представленію нативистовъ ¹⁾?

Для того, чтобы спасти прирожденные истины отъ послѣдняго возраженія, говорятъ, что знаніе ихъ мы имѣемъ всегда, но раньше, чѣмъ на нихъ укажутъ намъ, это знаніе находится, такъ сказать, въ зародышевомъ, неразвитомъ состояніи (*implicit knowledge*). Но это выраженіе, если оно обозначаетъ что-нибудь, обозначаетъ лишь то, что мы имѣемъ способность къ познанію извѣстныхъ истинъ раньше, чѣмъ услышимъ о нихъ. Отсюда нельзя еще утверждать ихъ прирожденность ²⁾.

Наконецъ, по мнѣнію Локка, только что указанный аргументъ заключаетъ въ себѣ *petitio principii*: онъ напередъ предполагаетъ, что человѣкъ вообще не на-

¹⁾ *Ibid.* ch. II, §§ 17—21.

²⁾ *Ibid.* ch. § 22.

учается ничему новому ¹⁾; поэтому, когда ему объясняютъ смыслъ извѣстныхъ понятій и онъ соглашается съ положеніемъ, состоящимъ изъ этихъ понятій, то онъ не узнаетъ что-нибудь новое, а лишь соглашается съ тѣмъ, что онъ уже прежде зналъ. Но это несправедливо. Вѣдь несомнѣнно то, что слова и ихъ смыслъ не были намъ извѣстны отъ рожденія, а узнаны нами лишь при объясненіи намъ извѣстной истины; точно также и идеи, соответствующія этимъ словамъ, были уже приобрѣтены прежде, но не прирождены. Если же ни слова, ни обозначаемыя ими идеи не прирождены, то что же остается прирожденного въ тѣхъ истинахъ, которыя выдаются за прирожденные? Для того, чтобы соглашаться съ этими положениями вовсе не нужно знать ихъ напередъ, а нужно лишь видѣть согласіе или несогласіе (*agreement or disagreement*) представленій или обозначающихъ ихъ словъ. Примѣръ дигити показываетъ, какъ постепенно, по мѣрѣ приобрѣтенія представленій, мы становимся способными къ усвоенію положеній, которыя съ точки зрѣнія нативистовъ нужно признать врожденными. Дитя тотчасъ же согласится съ тѣмъ, что „яблоко не огонь“, потому что хорошо знаетъ, что такое огонь и что такое яблоко, но лишь много лѣтъ спустя, вѣроятно, оно будетъ въ состояніи признать истинность положенія: „для одной и той же вещи невозможно быть и не быть“, потому что значеніе словъ, входящихъ въ составъ этого положенія, слишкомъ широко по объему и слишкомъ абстрактно для дѣтскаго ума ²⁾.

Такимъ образомъ, всѣ попытки зацяггниковъ прирожденности истинъ отстоять тѣмъ или другимъ путемъ въ томъ или другомъ видѣ ихъ общепризнанность оказались тщетными. Несомнѣннымъ остается, что по крайней мѣрѣ половина людей не знаетъ ихъ. Но если бы число незнающихъ было и гораздо меньше, если бы, напр., это были

1) *men are supposed not to be taught, nor to learn something they are ignorant of before.* Мнѣние, приводимое здѣсь Локкомъ, напоминаетъ учене Платона о томъ, что всякое знаніе есть припоминаніе. Можетъ быть Локкъ и разумѣетъ здѣсь вышеупомянутую школу платоновцевъ.

2) *Ibid* § 23

одни лишь дѣти, то и тогда бы мы имѣли доказательство того, что эти истины не врождены намъ ¹⁾).

Показавъ несостоятельность аргумента, приводимаго въ пользу врожденныхъ принциповъ, во всѣхъ его видахъ, Локкъ затѣмъ возражаетъ противъ самаго учения по существу. Онъ указываетъ, во-первыхъ, на то, что если бы извѣстныя истины, дѣйствительно, были намъ прирождены, то знаніе ихъ, въ качествѣ естественной основы всякаго приобретеннаго знанія, должно бы было предшествовать послѣднему, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Не значить ли это, что природа старалась совсѣмъ напрасно, или слишкомъ плохо начертала въ нашей душѣ свои письмена, когда ихъ не разбираютъ глаза, хорошо видяще другія вещи. „Дитя, говоритъ Локкъ, хорошо знаетъ, что нянька, которая за нимъ ходитъ—не кошка, съ которою онъ играетъ..., но скажетъ ли кто, что это происходитъ въ силу того принципа, по которому „для одной и той же вещи невозможно быть и не быть?“ ²⁾). Во вторыхъ, говоритъ Локкъ, если бы извѣстныя истины дѣйствительно были намъ врождены, то онѣ не только бы должны были быть извѣстны такимъ людямъ, какъ дѣти, идиоты, дикари, у которыхъ на самомъ дѣлѣ не замѣчается никакого признака этихъ мнимо-прирожденныхъ познаній, но у нихъ то именно и обнаруживаться съ особенною силою и ясностью, ибо у такихъ людей природныя свойства души менѣе всего сглажены и извращены какими-либо искусственными, посторонними влияніями воспитанія, предвзятыхъ мнѣній, ходячихъ предразсудковъ и т. п. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ обратное. Дѣти, дикари, идиоты и всѣ невѣжественные люди знаютъ лишь тѣ предметы, которые ихъ окружаютъ и съ которыми имъ приходится имѣть дѣло (дитя — свою няньку, колыбель, игрушки; дикарь — охоту и проч.), совсѣмъ не подозревая о тѣхъ абстрактныхъ основоположеніяхъ знанія, которыя, говорятъ, ему врождены, и послѣднія остаются тишь предметомъ обсужденій и споровъ въ школахъ и академіяхъ образованныхъ народовъ, у которыхъ самое образование должно бы было ослабить силу и ясность

¹⁾ *ibid.* § 24.

начертаннаго будто бы самую природою въ челоуѣческой душѣ знания.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ вопросомъ о природности теоретическихъ основоположеній, Локкъ переходитъ къ практическимъ основоположеніямъ, которымъ и посвящаетъ третью главу первой книги своего опыта ¹⁾. Неприрожденность практическихъ основоположеній гораздо легче доказать, чѣмъ неприрожденность теоретическихъ принциповъ. Если о послѣднихъ было доказано, что они, не смотря на присущую имъ очевидность, не обладаютъ тою общепризнанностью, которая должна бы была принадлежать имъ въ силу ихъ природности, то относительно первыхъ, вовсе не обладающихъ такою очевидностью, не стоитъ никакого труда показать то же самое. Невозможно, на самомъ дѣлѣ, найти ни одного основоположенія морали, которое бы соблюдалось всѣми людьми. А коль скоро эти основоположенія не всѣми соблюдаются, то, значить, и не всѣми признаются, потому что наши дѣйствія суть наилучшіе истолкователи нашихъ мыслей. Если же признать достаточнымъ для доказательства одно ихъ теоретическое признание, то почему мы будемъ признавать ихъ природными *практически* ни основоположеніями? Оставаясь лишь въ области мысли, они были бы только теоретическими основоположеніями. Конечно, у челоуѣка есть природныя практическія расположенія, всѣми признанныя, это — стремленіе къ счастью и отвращеніе (*aversion*) отъ несчастія. Но это не истины, напечатлѣнныя въ разумѣ, а наклонности воли ²⁾. Далеѣ, самое признание нравственныхъ истинъ не носитъ характера первоначальности и непосредственной очевидности, который долженъ причисловать врожденнымъ истинамъ, а опирается на доказательства, такъ, въ доказательство того, что нужно исполнять договоры, христіанинъ сошлется на награды и наказанія будущей жизни и на волю Бога, Гоббсъ — на требованіе общества и Левтаана, языческой философа — на достоинство челоуѣка ³⁾. Но совсѣмъ не справедливо и то, будто нравственныя правила, хотя не всѣми

¹⁾ Essays, p p 26—42.

²⁾ §§ 1—3

³⁾ §§ 4—5

исполняются, всѣми признаются. Для доказательства этого достаточно вспомнить, какъ различны нравственныя воззрѣнія у различныхъ народовъ: у многихъ изъ нихъ мы найдемъ нравственныя правила, которыми совершенно попираются наши мнимоприрожденные принципы благочестія, справедливости, цѣломудрія и пр. ¹⁾ Если возразить, что природенныя нравственныя основоположенія могутъ быть извращаемы, то на это можно отвѣтить: во-первыхъ, гдѣ критерій для опредѣленія извращенной и неизвращенной нравственности? При крайнемъ различіи нравственныхъ воззрѣній, не будетъ ли каждый признавать чистыми врожденными принципами лишь тѣ, которые раздѣляетъ онъ самъ и люди его партіи? Во-вторыхъ, если дѣйствительно признать возможность извращенія нравственныхъ принциповъ, то наиболѣе чистыми они должны оставаться у людей, ближе всего стоящихъ къ естественному, природному состоянію— у дѣтей, у людей необразованныхъ; послѣдняго однако никто изъ защитниковъ природенныхъ нравственныхъ основоположеній утверждать не рѣшится.

Еще разъ Локкъ возвращается къ вопросу о природенныхъ основоположеніяхъ вообще, а главнымъ образомъ объ основоположеніяхъ теоретическихъ, въ четвертой главѣ первой книги Опыта. Здѣсь онъ ризвиваетъ положеніе, которое уже и прежде высказывалъ, что принципы не могутъ быть врождены, если не врождены входяція въ нихъ идеи, потому что признавать противное было бы все равно, что утверждать: я имѣю въ карманѣ 100 фунтовъ стерлиповъ и въ то же время не имѣю въ немъ пенни, шиллинговъ, кронъ и пр. сортовъ денегъ, изъ которыхъ состоитъ указанная сумма ²⁾. Но несомнѣнно, что идеи, входяція въ такія истины, какъ, что „одна и таже вещь не можетъ быть и не быть“, что „мы должны почитать Бога“ не природены намъ: что такое *тождество*, *невозможность*, *почитаніе*, дѣтямъ совсѣмъ неизвѣстно. То же самое нужно сказать и объ идеѣ Бога, которая не только различна у разныхъ людей, но даже прямо отсутствуетъ у отдѣльныхъ

¹⁾ Примеры въ §§ 9, 11.

²⁾ § 20

³⁾ Essay, book I Chap. IV, § 1, 20.

лицъ—атеистовъ, и, по свидѣтельству путешественниковъ, у цѣлыхъ народовъ ¹⁾). Но если бы даже этого не было, если бы, дѣйствительно, идея Божества была наблюдаема у всѣхъ народовъ, то отсюда еще такъ же мало слѣдовала бы прирожденность этой идеи, какъ мало доказывается прирожденность идей огня, солнца, тепла и др. тѣмъ, что эти идеи существуютъ у всѣхъ народовъ: онѣ всеобщы, потому что всеобщы условія ихъ образованія; то же самое пужно сказать и объ идеѣ Бога. „Видимые признаки необычайной мудрости и силы ясно проявляются во всѣхъ дѣлахъ творенія, такъ что разумное созданіе, серьезно размышляющее о нихъ, не можетъ не открыть въ нихъ Божества“. Въ виду этого отсутствіе идеи Божества у цѣлаго народа было бы гораздо удивительнѣе, чѣмъ отсутствіе идеи огня ²⁾.— Въ доказательство существованія прирожденных идей ссылаются особенно на идею субстанціи, которая, говорятъ, не могла возникнуть ни изъ вишняго, ни изъ внутренняго опыта. „Но, возражаетъ Локкъ, такъ какъ эту идею мы не можемъ получить тѣмъ же путемъ, какимъ получаемъ всѣ наши идеи, то мы и не имѣемъ *о субстанціи* никакой ясной идеи, и потому словомъ субстанція обозначаемъ ничего, кромѣ неопредѣленнаго предположенія о чемъ-то, намъ неизвѣстномъ (т. е. о чемъ мы не имѣемъ особенной — particular — раздѣльной, положительной и ей), которое мы принимаемъ въ качествѣ субстрата или опоры (support) тѣхъ идей, которыя мы знаемъ“ ³⁾. Такимъ образомъ, нѣтъ вовсе врожденныхъ идей, а значить и нѣтъ врожденныхъ основоположеній.

Посвятивъ первую книгу своего опыта опроверженію нативизма, Локкъ надѣется во второй книгѣ своего труда дать фактическое подтвержденіе его ненужности, объясняя происхожденіе идей помимо предположенія врожденности. „Это, я знаю, общепринятая доктрина, говоритъ Локкъ въ началѣ второй книги, что люди имѣютъ прирожденные идеи и изначальныя черты (original characters), напечатлѣнныя въ ихъ душахъ съ самаго начала ихъ бытія. Это мнѣніе

¹⁾ Фактическія доказательства этого въ §§ 8, 13 и сл.

²⁾ *ibid.* §§ 9—11.

³⁾ *ibid.* § 18

я уже подробно изслѣдовалъ, и надѣюсь, что съ высказаннымъ въ предыдущей книгѣ гораздо легче будетъ согласиться, когда я покажу, откуда умъ можетъ получить всѣ идеи, которыя онъ имѣеть, и какими путями и въ какой степени могутъ онѣ вступить въ него; причемъ я буду обращаться къ собственному наблюденію и опыту каждого“ ¹⁾).

Откуда же получаетъ душа все свое, почти безконечное, разнообразіе идей? „На это, говоритъ Локкъ, я отвѣчаю однимъ словомъ: изъ опыта (from experience); на немъ основано все наше знаніе и изъ него въ концѣ концовъ вытекаетъ“ ²⁾). Подъ опытомъ Локкъ разумѣетъ, какъ онъ дальше выясняетъ, наблюденіе — 1) внѣшнихъ чувственныхъ объектовъ и 2) внутреннихъ операцій нашего духа, воспринимаемыхъ нами въ насъ самихъ, слѣдовательно, — опытъ внѣшній и внутренний. „Они составляютъ два источника познанія, откуда возникаютъ всѣ идеи, какія мы имѣемъ, или можемъ имѣть естественнымъ образомъ“ ³⁾). Первый изъ этихъ источниковъ, посредствомъ котораго познаются чувственные качества внѣ насъ находящихся предметовъ, носитъ у Локка названіе ощущенія (sensation). Второй источникъ идей, посредствомъ котораго мы знаемъ, что такое воспріятіе, мышленіе, сомнѣніе, вѣрованіе, разсужденіе, знаніе, желаніе и всѣ вообще дѣятельности нашего собственного духа, вполне аналогиченъ внѣшнему чувству и потому можетъ быть названъ внутреннимъ чувствомъ (internal sense). „Но я, говоритъ Локкъ, называю его рефлексіей (reflection), потому что доставляемая имъ идеи нашъ духъ получаетъ чрезъ наблюденіе (by reflecting) въ себѣ самомъ своихъ собственныхъ операцій. Итакъ, подъ рефлексіей я буду разумѣть то вниманіе (notice), которое духъ обращаетъ на свои собственные дѣятельности, и благодаря которому являются въ нашемъ умѣ идеи послѣднихъ“ ⁴⁾). Эти два (рода

¹⁾ Essay, в. II. ch. 1, § 1.

²⁾ *Ibid.* § 2.

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ Въ виду такого яснаго опредѣленія рефлексіи, подтверждаемаго и другими мѣстами Опыта, было бы, повидимому, странно отрицать, что подъ рефлексіей Локкъ разумѣетъ внутреннее воспріятіе или самонаблюденіе. Между тѣмъ это именно отрицаетъ проф. Троицкій, который думаетъ, что рефлексія Локка, это—всѣ явленія духа, въ которыхъ выражается само-

явленій), т. е. внѣшнія матеріальныя вещи, какъ объекты ощущенія, и внутреннія операціи нашего собственнаго духа, какъ объекты рефлексіи ¹⁾, суть для меня единственные

дѣятельность послѣдняго, въ противоположность ощущенію или „пассивной перцепціи“, что „рефлексія есть отзвукъ или откликъ духа на внѣшнія ощущенія,—рядъ духовныхъ явленій, прямо или косвенно вызванныхъ предметными впечатлѣніями (Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи, 40 и выше). Въ доказательство этого онъ ссылается на „аналитическую таблицу рефлексіи“, приложенную къ Опыту Локка. Вотъ эта таблица.

A tabular analysis of Reflection.

R e f l e c t i o n.	1. Perception	{	First step to knowledge—Employed about ideas Distinguished from passive perceptions—Common to all animated creatures—Is of three kinds.
	2. Retention	{	1. Contemplation. 2. Memory. 3. Association.
	3. Discerning	{	1. Clear ideas. 2. Wit. 3. Judgement.
	4. Comparing	{	Ideas of relation Imperfect in brutes.
	5. Compounding or Enlarging	{	Ideas of numbers and simple modes.
	6. Abstraction	{	Distinguishes men from brutes—Form general ideas, or principles from particular—sensus and species—Essences—Language.
	7. Volition	{	1. Power of acting. 2. Power of choosing.“

Эта таблица, дѣйствительно, согласуется съ узнѣніемъ г. Троицкаго. Но она совсѣмъ не согласуется съ прежде высказанными заявленіями самого Локка и потому можетъ доказывать лишь неустойчивость Локковой терминологіи, но никакъ не то, что въ своемъ Опытѣ Локкъ не разумѣлъ подъ рефлексіей внутренняго воспріятія. Въ крайнемъ случаѣ, на основаніи приведенной таблицы, можно лишь согласиться, что рефлексіей Локкъ называетъ и внутреннее воспріятіе и тѣ душевныя состоянія, которыя являются его объектами. Аналогическій примѣръ такого употребленія терминовъ въ различныхъ значеніяхъ представляетъ слово идея, употребляемое Локкомъ не только для обозначенія представленія, понятія и т. д., но и для обозначенія ихъ предмета, такъ что идея, напр., называется не только представленіемъ краснаго, но и просто „красное“ (book 2, ch. 1, § 1). Сдѣла ли нужно прибавлять, что не это относится къ числу достоинствъ Локковой терминологіи.

¹⁾ Только *объекты* рефлексіи, но не самая рефлексія Ср предмид

источники, откуда берутъ начало всѣ наши представленія“¹⁾. „Самый высокій умъ и самый широкій разумъ не властенъ ни при какой быстротѣ или разносторонности мысли изобрѣсти или построить въ душѣ хотя бы одну простую идею, не проникшую туда вышеупомянутыми путями“²⁾. Въ доказательство этого Локкъ ссылается—во-первыхъ, на опытъ каждаго человѣка, такъ какъ самое внимательное изслѣдованіе всего паличнаго запаса нашихъ идей никому не въ состояніи открыть никакого слѣда идей, которыя бы не происходили изъ двухъ указанныхъ источниковъ опыта; во-вторыхъ,— на новорожденныхъ дѣтей, которыя не даютъ никакого повода предполагать въ нихъ прямо по рожденіи готовый запасъ идей, а напротивъ приобрѣтаютъ ихъ постепенно по мѣрѣ развитія опыта, а первоначально исключительно по мѣрѣ доступа ощущеній въ сознаніе, потому что идеи ощущенія по времени своего появленія въ душѣ предшествуютъ идеямъ рефлексіи: первымъ принадлежитъ возбужденіе душевной самодѣятельности, служащей источникомъ идей рефлексіи; наконецъ, въ-третьихъ—на различіе содержанія и характера идей у разныхъ людей въ зависимости отъ различія ихъ опыта³⁾.

Такимъ образомъ, по Локку,—душа наша до ощущеній, т. е. до всякаго опыта, представляетъ собою бѣдную, неисписанную бумагу (*white paper*), для которой лишь опытъ можетъ дать письма знанія. Всѣ наши познанія, поэтому, происходятъ изъ опыта. „Всѣ тѣ возвышенныя мысли, которыя поднимаются выше облаковъ и достигаютъ самого неба, въ немъ имѣютъ свое начало и основаніе. Во всѣхъ тѣхъ обширныхъ пространствахъ, въ которыхъ странствуетъ душа, въ тѣхъ самыхъ отвлеченныхъ спекуляціяхъ, до которыхъ она можетъ возвыситься, она ни на одну іоту не идетъ далѣе тѣхъ идей, которыя представляютъ чувство или рефлексія ся созерцанію“⁴⁾.

Настоятельное указаніе Локка на то, что все наше познаніе начинается ощущеніемъ, до котораго душа подобна

1) *Essay book II, ch. 1, § 4.*

2) *Ibid, ch. II, § 2.*

3) *Essay. в II, ch 1, §§ 6—9. 20—23*

4) *Ibid § 24*

бѣлой бумагѣ, давало поводъ причислять его къ сенсуалистамъ ¹⁾. Между тѣмъ это совсѣмъ невѣрно, потому что сенсуалистомъ Локкъ во всякомъ случаѣ не былъ. Большою заслугой Локка было то, что онъ первый выработалъ надлежащее понятіе объ опытѣ, включивъ въ объемъ этого понятія не только внѣшній, но и внутренній опытъ. Ставя внутренній опытъ лишь *наряду* съ внѣшнимъ въ качествѣ равноправнаго ему источника знанія, а вовсе не выводя первый изъ второго, Локкъ этимъ уже даетъ ясное доказательство, что онъ не былъ сенсуалистомъ, т. е. не выводилъ всего познанія изъ ощущенія, хотя и считалъ ощущение необходимымъ условіемъ пробужденія познавательной дѣятельности ²⁾. Но если Локкъ не былъ сенсуалистомъ, то, повидимому, его можно назвать эмпирикомъ, потому что онъ, хотя не выводитъ всего познанія изъ ощущенія, однако рѣшительно утверждаетъ, что оно происходитъ только изъ опыта. Названіемъ полнаго эмпиризма характеризуетъ ученіе Локка Ибервегъ въ своей исторіи новой философіи; онъ говоритъ: „совсѣмъ невѣрно называть Локка отцомъ послѣдовательнаго сенсуализма новѣйшаго времени. Положеніе: *nil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*, чтобы имѣть значеніе для Локка, должно получить, по крайней мѣрѣ, прибавку *externo et interno*. Но Локкъ является представителемъ полнаго эмпиризма, говоря, что намъ невозможно выйти за предѣлы представленій, которыя доставлены нашему размышленію чувственностію и рефлексіей“ ³⁾. Мы однако сейчасъ увидимъ, что и противъ такой характеристики Локкова ученія находятъ возможнымъ спорить.

Нужно замѣтить, что когда Локкъ выводитъ все познаніе изъ опыта, то онъ разумѣетъ собственно только содержаніе или матерію познанія. Онъ спрашиваетъ: откуда душа получаетъ весь матеріалъ (*all the materials*) для своего разума и знанія? и относительно именно этого *материала* утверждаетъ, что онъ происходитъ изъ опыта.

¹⁾ Къ этой школѣ причисляетъ его Куно-Фишеръ.

²⁾ Ср. G. Hartenstein. Historisch—philosophische Abhandlungen. VIII Ueber Locke's Lehre von der menschlichen Erkenntniss in Vergleichung mit Leibnitz's Kritik derselben S. 318 sq.

³⁾ Ибервегъ-Рейнше. Исторія новой философіи въ перев. Колубовскаго, стр. 106

„Наше наблюденіе, продолжаетъ онъ, направленное или на внѣшніе чувственные объекты, или на внутреннія операціи нашего духа..., есть то, что снабжаетъ нашъ умъ всѣмъ *матеріаломъ* мышленія“ ¹⁾. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Локкъ очень ясно противопоставляетъ разумъ его содержанію. Не менѣе ясно дѣлаетъ онъ это и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: „сила человѣка и способъ его дѣятельности приблизительно одни и тѣ же, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ интеллектуальномъ мірѣ. Ибо въ обоихъ онъ не имѣетъ никакой силы создать или уничтожить матерію, и все, что онъ можетъ сдѣлать, это — связывать, сопоставлять, или раздѣлять различныя ея части“ ²⁾. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, говоритъ Локкъ еще, что какъ идея безъ разума или разсудка, такъ и разумъ или разсудокъ безъ идей не даютъ намъ знанія“ ³⁾. Отрицая прирожденность содержанія и сводя его къ опыту, Локкъ нигдѣ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки вывести изъ опыта и самый разумъ и даже, повидимому, не подозреваетъ возможности такой попытки. Итакъ, познаніе въ его настоящемъ видѣ, хотя и происходитъ изъ опыта (по своему содержанію), но не производится имъ, оно есть результатъ взаимодействія опытнаго содержанія и существующихъ прежде опыта способностей разума, пробуждающейся подъ вліяніемъ опыта его самодѣятельности. Первая и низшая ступень этой самодѣятельности, или, какъ выражается Локкъ, „первая способность (*sapacity*) человѣческаго разума состоитъ уже въ томъ, что душа приспособлена (*is fitted*) къ полученію впечатлѣній, производимыхъ на нее или внѣшними объектами чрезъ посредство чувствъ, или собственными ея операціями“ ⁴⁾. Къ числу такихъ же способностей разума принадлежатъ, конечно, способности сохраненія и воспроизведенія представленій ⁵⁾. Но способностями, которыми пользуется разумъ въ дѣлѣ собственно познанія

¹⁾ Essay, b. II, ch. I, § 2.

²⁾ *Ibid.* ch. XII, § 1.

³⁾ Серебрянниковъ Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. стр. 232.

⁴⁾ Essay, b. II, ch. I, § 24.

⁵⁾ *Ibid.* b. II, ch. X.

(understanding) ¹⁾, являются способности—различенія, сравненія, соединенія, наименованія и абстракціи ²⁾. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ по степени важности Локкъ ставитъ способность различенія. Безъ нея невозможно бы было никакое знаніе въ собственномъ смыслѣ этого слова. На этой способности отличать одну вещь отъ другой основывается очевидность и достовѣрность многихъ самыхъ общихъ положеній, которыя считаются врожденными истинами вслѣдствіе того, что, упуская изъ вниманія истинную причину общаго признанія ихъ, приписываютъ ее всецѣло однообразнымъ врожденнымъ впечатлѣніямъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно основывается на этой присущей душѣ способности яснаго различенія, посредствомъ которой она воспринимаетъ двѣ идеи, или какъ тождественныя, или какъ различныя ³⁾. Теперь спрашивается: какимъ образомъ происходитъ приложеніе извѣстныхъ формъ духовной самодѣятельности къ опытному содержанію познанія? Оно происходитъ, по мнѣнію Локка, путемъ непосредственнаго усмотрѣнія или интуиціи. Наше знаніе состоитъ въ томъ, что душа усматриваетъ свои идеи, ихъ сходство или различіе и все вообще отношенія такъ же, какъ глазъ усматриваетъ свѣтъ. „Такимъ образомъ душа усматриваетъ, что бѣлое не черное, что кругъ не треугольникъ, что три больше двухъ и равно двумъ съ единицей“ ⁴⁾. Въ томъ случаѣ, когда невозможно непосредственно усмотрѣть отношеніе между двумя представленіями, между ними въ качествѣ посредствующаго члена вставляется еще одно или нѣсколько представленій, при помощи которыхъ путемъ того же усмотрѣнія устанавливается отношеніе между первыми двумя представленіями. Это—знаніе демонстративное ⁵⁾.

Говоря о способностяхъ разума по ученію Локка, нужно имѣть въ виду предостереженія самого философа относительно того, чтобы слову *способность* не придавалось

¹⁾ *Ibid.* b. II, ch. XI, § 14.

²⁾ *Ibid.* b. II, ch. XI.

³⁾ *Ibid.* b. II, ch. XI, § 1.

⁴⁾ *Ibid.* b. IV, ch. II, § 1.

⁵⁾ *Ibid.* § 2 sq.

какого-либо мистическаго значенія, которое усвоилось ему схоластиками. Это предостереженіе дѣлаетъ Локкъ въ 21-й главѣ второй книги своего Опыта, посвященной вопросу *о силѣ*, гдѣ, между прочимъ, разсматривается вопросъ о свободѣ воли. По поводу этого вопроса Локкъ неоднократно возвращается къ разъясненію понятія способности. „По обыкновенному способу выраженія, говоритъ Локкъ, разумъ и воля суть двѣ способности души — названіе довольно подходящее, если употребленіе его не порождаетъ путаницы мыслей, давая поводъ къ предположенію, что оно означаетъ нѣкоторыя реальныя существа (beings) въ душѣ, которыя совершаютъ дѣйствія разума и воли“¹⁾. Подобно тому, какъ способность говорить, способность ходить, способность танцевать суть не что иное, какъ различныя *модусы движенія*, такъ разумъ и воля суть только способы духовной дѣятельности, или, какъ выражается Локкъ, *различныя модусы мысленія* (several modes of thinking). Было бы напрасно поэтому искать въ способностяхъ Локка какія-либо содержательныя потенціи, хоть сколько нибудь похожія, напр., на прирожденные идеи Декарта. Правда, Локкъ рѣшительно заявляетъ, что онъ не отрицаетъ существованія способностей въ тѣлѣ и въ душѣ, но уже одно то, что Локкъ приравняетъ душевныя способности къ способностямъ тѣла, показываетъ, какъ нужно его понимать: способность есть не что иное, какъ *наличность условій* для постояннаго произведенія известнаго дѣйствія, заключающихся въ самой конструціи тѣла или духа. Это Локкъ и выясняетъ дальше, когда указываетъ, что признавать душевныя способности въ видѣ какихъ-то дѣйствующихъ въ душѣ агентовъ все равно, что предполагать для объясненія пищеваренія особую, такъ сказать, специфическую пищеварительную силу. Подобно тому, какъ для произведенія пищеваренія нужны известныя обуславливающія его матеріальныя средства или причины, такъ точно нужны известныя принадлежащія духу средства, свойства или силы, которыя, какъ бы мы ихъ ни называли, должны обозначать собою лишь наличность

1) *Ibid* § 6.

условіи или причины для того, чтобы состоялась какая-либо духовная дѣятельность ¹⁾).

Итакъ, мы видимъ, что подъ способностями разума, о которыхъ говоритъ Локкъ, нужно разумѣть духовную конструкцію, лишенную всякаго содержанія и безразличную къ какому угодно содержанію, извѣстную намъ лишь постольку, поскольку она должна служить причиною различныхъ невыводимыхъ изъ опыта духовныхъ дѣятельностей ²⁾). Само собою разумѣется, что такая духовная конструкція прирождена намъ такъ же, какъ и самый духъ, и Локкъ иногда прямо говорилъ объ этой врожденности. Во 2-мъ изданіи своего Опыта въ письмѣ къ читателю Локкъ говоритъ: „Мы сходимся съ нимъ (т. е. съ Leowde) въ томъ, что онъ говоритъ... относительно прирожденныхъ понятій... По его взгляду, прирожденные понятія суть условныя вещи: проявленіе ихъ душою зависитъ отъ стеченія различныхъ обстоятельствъ. Все, что онъ говоритъ о прирожденныхъ понятіяхъ, сводится въ концѣ концовъ къ тому, что существуютъ извѣстныя положенія, которыхъ душа не знаетъ сначала, при появленіи человѣка на свѣтъ, по истину которыхъ она можетъ съ достовѣрностію узнать потомъ, при содѣйствіи вѣшнихъ чувствъ и при помощи нѣкотораго предшествующаго развитія. Но это составляетъ то самое, что я утверждалъ въ своей первой книгѣ. Я полагаю, что... эти положенія не находятся въ душѣ пока не познаны; душа обладаетъ только *способностью познать ихъ*; познаются же они тогда, когда наступаетъ то стеченіе обстоятельствъ, которое эиотъ талантливый авгоръ считаетъ необходимымъ для проявленія ихъ душою“. Въ другомъ мѣстѣ Локкъ то же самое говоритъ въ приложеніи къ нравственнымъ принципамъ. „Если подъ прирожденными нравственными принципами разумѣется только способность со временемъ разсматривать дѣйствія съ нравственной точки зрѣнія (хотя называть способность принципомъ неудобно), то я никогда не отрицалъ прирожденности такой силы. Я утверждалъ только, что нѣтъ прирожденныхъ идей или прирожденнаго воспріятія соединенія

¹⁾ Ср. Essay, b. II. ch. 1, § 24.

²⁾ *Ibid.* b. II ch. 21 § 20

идей... Я думаю, никто изъ читавшихъ мою книгу не можетъ сомнѣваться, что я говорилъ только о природенныхъ идеяхъ, а не о прирожденныхъ силахъ. Естественныя силы могутъ развиваться чрезъ упражненіе и затѣмъ ослабѣвать отъ неупотребленія, и такимъ образомъ всякое знаніе должно получаться чрезъ упражненіе этихъ силъ¹⁾.

Послѣ изложеннаго нами ученія Локка о прирожденныхъ способностяхъ вопросъ о томъ, былъ ли Локкъ дѣйствительно эмпирикомъ, осложняется. На основаніи этого ученія г. Серебренниковъ оспариваетъ справедливость приведенной нами выше изъ Ибервега характеристики Локка²⁾, и склоненъ приближать ученіе Локка къ Декартовскому нативизму. Большая заслуга г. Серебренникова и еще прежде его проф. Каринскаго состоитъ въ томъ, что они очень основательно раскрыли связь, дѣйствительно очень значительную, между ученіями Локка и Декарта. Но намъ думается, что въ вопросѣ о прирожденности эта связь представлена не совсѣмъ въ правильномъ свѣтѣ. Г. Серебренниковъ приводитъ то мѣсто изъ Декарта, гдѣ онъ утверждаетъ, что онъ никогда не писалъ и не полагалъ, что душа нуждается въ прирожденныхъ идеяхъ, составляющихъ нѣчто отличное отъ ея способности мышленія и затѣмъ сопоставляетъ это мѣсто съ приведенною нами выше выдержкою изъ Локка, гдѣ послѣдній признаетъ врожденность душевныхъ способностей. Оказывается такимъ образомъ, что между Декартомъ, котораго всегда признавали нативистомъ, и Локкомъ, котораго называютъ эмпирикомъ и сенсуалистомъ, нѣтъ никакой разницы. Получается большая странность, которая исчезаетъ лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ то, что старались показать въ другомъ мѣстѣ³⁾, именно, что слова Декарта, на которыя ссылается Локкъ, понимаемая въ ихъ строгомъ смыслѣ, никакъ не согласуются съ ученіемъ Декарта, высказаннымъ имъ въ *Meditationes*. Стало быть, приходится допустить одно изъ двухъ: или эти слова устраниаютъ то, чему училъ

1) Серебренниковъ, I. с. стр. 138.

2) *ibid*, стр. 79.

3) Наша статья—Учненіе Декарта о прирожденныхъ идеяхъ. Богословскій Вѣстникъ, 1897 г. дѣ. сентябрь, декабрь.

Декартъ прежде, или же они не точно выражаютъ смыслъ прежняго Декартовскаго ученія. Г. Серебренниковъ принимаетъ, очевидно, первое, когда говоритъ, что у Декарта намѣчены двѣ точки зрѣнія на врожденность, но при этомъ совсѣмъ не обращаетъ вниманія на то, что эти точки зрѣнія одна другую исключаютъ ¹⁾. Самъ Декартъ, однако, очень ясно даетъ понять, что въ этихъ словахъ онъ не отрицаетъ первоначальнаго ученія, а только разъясняетъ, хотя по существу дѣла это „разъясненіе“ разрушаетъ теорію Декарта. Но во всякомъ случаѣ одно изъ двухъ: или Декартъ дѣйствительно училъ тому же, чему и Локкъ, но это лишь въ томъ случаѣ, если онъ отказался отъ своего ученія о врожденныхъ идеяхъ, или Декартъ не отказывался отъ ученія о врожденныхъ идеяхъ, но въ такомъ случаѣ онъ никогда не былъ согласенъ съ Локкомъ въ ученіи о врожденности. — Въ частности, что касается указываемой г. Серебренниковымъ попытки самого Локка сблизить свое ученіе съ ученіемъ нативистовъ въ приведенныхъ выше словахъ изъ письма къ читателямъ, то нельзя не видѣть, что здѣсь искусственно стираются различія между Локковымъ ученіемъ и нативизмомъ, путемъ сведенія врожденныхъ идей къ *способностямъ* познанія. Если нативистъ и согласится на такое видоизмѣненіе въ терминологіи, то все-таки онъ *способность познанія* долженъ повимать иначе, чѣмъ Локкъ, и согласіе между ними будетъ только въ словахъ, а не въ мысляхъ. Съ другой стороны, и то „стеченіе обстоятельствъ“, о которомъ говоритъ Локкъ въ своемъ письмѣ, будетъ имѣть весьма различное значеніе въ глазахъ нативиста и въ глазахъ Локка: между тѣмъ какъ первый будетъ видѣть въ этомъ стеченіи обстоятельствъ лишь *поводъ* къ проявленію извѣстнаго рода идей, послѣдній будетъ разсматривать его какъ *источникъ* для ихъ образованія.

Одно то обстоятельство, что Локкъ признаетъ врожденныя способности, не даетъ права славить его въ разрядъ нативистовъ и не препятствуетъ считать его эмпирикомъ. Оправданіемъ такого воззрѣнія на ученіе Локка будетъ служить его настойчивое стремленіе вывести все наше

¹⁾ Серебренниковъ, стр. 132—133

познаніе изъ опыта. Идеаль, который ставитъ себѣ Локкъ, чисто эмпирическій. Онъ хочетъ объяснить происхожденіе познаній при томъ предположеніи, что душа наша до опыта представляетъ собою листъ совсѣмъ бѣлой неисписанной бумаги, или совершенно закрытую темную комнату, въ которой есть лишь два окна—внѣшній и внѣшній опытъ, и въ которую не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта, пока не откроется первое изъ этихъ оконъ¹⁾.—Правда, способность познанія есть для Локка нѣчто прирожденное и данное въ готовомъ видѣ. Но вѣдь легко понять, что для Локка задача эмпиризма не могла еще опредѣлиться въ томъ широкомъ объемѣ, какой она получила впоследствии: чтобы со всею ясностью поставить вопросъ объ опытномъ происхожденіи самой способности познанія въ данномъ ея видѣ, нужна была продолжительная послѣдующая разработка эмпирическаго принципа. Неудивительно, если Локкъ говоритъ о прирожденной способности познанія, когда даже Стюартъ Милль не рѣшается отрицать прирожденную конструцію разума. „Суть ли три такъ называемыхъ фундаментальныхъ (логическихъ) закона законы нашихъ мыслей въ силу *прирожденной структуры души* или же просто потому, что мы примѣчаемъ ихъ всеобще-истинными о наблюдаемыхъ феноменахъ, — я не рѣшу положительно“, говоритъ этотъ ревностный поборникъ эмпиризма²⁾. Вообще прирожденность извѣстной духовной конструціи имѣетъ за себя настолько вѣскія и почти очевидныя данныя, что для эмпирика предстояла задача, не отрицая ея, по возможности примирить ее съ своими принципами, и такую попытку сдѣлалъ впервые лишь Спенсеръ.

Г. Серебренниковъ, стараясь доказать, что ученіе Локка не было эмпиризмомъ, представляетъ его интуитивистомъ. Для этого онъ противопоставляетъ заявленію Локка, что все наше познаніе происходитъ изъ опыта, другое его заявленіе, по которому все наше познаніе основывается на интуиціи³⁾. Но кто прочтаетъ это мѣсто изъ четвертой

1) Essay, b. II. ch. XI, § 17

2) Дж. Стюартъ Милль. Обзоръ философіи сэръ-Вильяма Гамильтона. Рус. пер. Умблевскаго, стр. 380.

3) Серебренниковъ Ор. с., стр. 233—234

книги Локкова Опыта, гдѣ онъ говоритъ объ интуиціи, увидить, что Локкъ совсѣмъ не отличаетъ ее отъ внутренняго воспріятія, т. е. отъ внутренняго опыта: интуиція усматриваетъ не только отношенія между идеями, но и самыя идеи; отсюда видно, что она по существу дѣла не отличается отъ такъ называемой у Локка активной перцепціи ¹⁾.

Едва ли однако будетъ законно вмѣстѣ съ Ибервегомъ характеризовать ученіе Локка какъ „полный эмпиризмъ“. Полнымъ эмпиризмомъ можно бы было назвать лишь такую доктрину, которая бы объясняла изъ опыта не одну только матерію познанія, но все познаніе, какъ цѣлое. Такая задача, какъ мы уже говорили, для Локка была невыполнима. Но поэтому то онъ и не былъ *полнымъ* эмпирикомъ. Для эмпирика, какъ такового, существуютъ только факты сознанія въ качествѣ принципа объясненій. Говорить о какихъ-либо прарожденныхъ способностяхъ онъ не имѣетъ права, не покидая строго эмпирической почвы. Самая форма познанія для него не должна существовать, какъ что-то независимое и отдѣльное отъ процессовъ познанія и его содержанія. Поэтому эмпирикъ не имѣетъ права противопоставлять разумъ, какъ способность и формирующій принципъ знанія, содержанію послѣдняго, и легко видѣть, что у Локка ученіе о разумѣ и о познавательныхъ способностяхъ покоится вовсе не на эмпирическихъ началахъ, а на метафизическомъ предположеніи о существованіи самостоятельнаго духовнаго начала въ человѣкѣ ²⁾. Отсюда и вытекаетъ у него раздвоеніе между содержаніемъ знанія—извѣстными идеями—и разумомъ. Дѣло представляется такъ:

¹⁾ Essay, в. IV, ch. II, § 1. Для того, кто прочитаетъ этотъ параграфъ, станетъ очевидно, что Локкъ вовсе не думаетъ противопоставлять *интуицію воспріятію* идей умомъ (ср. в. IV, ch. I, § 1). Самые термины—*созерцать* и *воспринимать* употребляются безразлично. Не различая воспріятія идей и усмотрѣнія или интуиціи необходимыхъ отношеній, Локкъ грубѣйшимъ образомъ смѣшиваетъ непосредственную *очевидность* съ непосредственнымъ *воспріятіемъ* или перцепціей, какъ это видно изъ того самаго параграфа, на который ссылается г. Серебренниковъ.

²⁾ Само собою разумѣется, что эмпирику, какъ всякому другому, ничто не мѣшаетъ вѣрить въ существованіе души.—Но разъ онъ принимаетъ это вѣрованіе въ качествѣ принципа объясненія, то невозможно внести раздвоеніе въ свою теорію, какъ это и было съ Локкомъ.

разумъ существуетъ самъ по себѣ, идеи сами по себѣ. Опытъ—внутренний и внѣшній—доставляетъ идеи, разумъ ихъ созерцаетъ. При этомъ онъ можетъ оставаться совершенно пассивнымъ зрителемъ, можетъ отнестись къ созерцаемому активно, подвергнуть доставляемъ ему матеріалъ переработкѣ ¹⁾. Такое противоположеніе между разумомъ и идеями, между пассивной и активной стороною познанія, вовсе не дано въ опытѣ, который представляетъ намъ познаніе, какъ одинъ цѣлостный и нераздѣльный психологическій фактъ.—Въ виду этихъ соображеній не будетъ точнымъ назвать ученіе Локка полнымъ эмпиризмомъ и, напротивъ, нужно будетъ признать его эмпиризмъ относительнымъ. Припимая во вниманіе эту относительность Локкова эмпиризма, мы не будемъ удивляться, если найдемъ въ ученіи Локка сходство съ ученіями совсѣмъ не эмпирическими. Таково, съ одной стороны, нѣкоторое сходство Локка въ ученіи о прирожденномъ разумѣ съ Аристотелемъ, отъ котораго однако Локкъ отличается тѣмъ, что придаетъ понятію разума гораздо менѣе реального значенія, чѣмъ то дѣлаетъ Аристотель, и еще большее сходство съ Кантомъ въ ученіи о формальной и матеріальной сторонѣ познанія (разумѣ и идеяхъ), при чемъ однако между обоими философами остается такое большое различіе, которое не позволяетъ относить ихъ къ одной категоріи. Чтобы убѣдиться въ этомъ различіи, достаточно вспомнить, что Локкъ безъ всякаго стѣсненія выводитъ изъ опыта идеи пространства, времени, причины и т. п., не говоря уже о томъ, что Локкъ былъ еще весьма далекъ отъ грандіознаго предпріятія Канта—объяснить самый опытъ, какъ результатъ взаимодѣйствія субъективной формы и объективной дѣйствительности, или апіорнаго и апостеріорнаго началъ.

Доселѣ, впрочемъ, мы говорили о принципиальной сторонѣ Локковой психологіи знанія. Съ этой стороны эмпиризмъ Локка долженъ быть названъ неполнымъ или относительнымъ. Но намъ придется сдѣлать еще одну уступку, когда мы отъ принциповъ перейдемъ къ ихъ дѣйствительному примѣненію. Намъ придется тогда назвать эмпиризмъ Локка не только неполнымъ, но и не совсѣмъ послѣдовательнымъ, нерѣдко отступающимъ отъ своихъ собственныхъ принциповъ. Такъ,

¹⁾ Cp. Essay. v. II, ch. 1, §§ 24—25, ch. II, § 2 и др.

Локкъ видѣлъ себя вынужденнымъ признать за нѣкоторыми положеніями абсолютную необходимость, которой опытъ никакъ не можетъ оправдывать; таковы принципы тождества и различія ¹⁾, субстанціи ²⁾, причинности ³⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что Локка весьма мало смущаетъ этотъ признакъ необходимости; признавъ его, онъ все-таки продолжаетъ выводить указанные принципы изъ опыта. При этомъ Локкъ обнаруживаетъ большую наивность: указавъ, какъ мы прилагаемъ къ явленіямъ опыта идею, которой онъ самъ по себѣ вовсе не даетъ, Локкъ остается въ полной увѣренности, что онъ представилъ достаточное эмпирическое объясненіе. Вотъ, напр., эмпирическое объясненіе происхожденія идеи причинности: „замѣтая, что наши чувства воспринимаютъ постоянную смѣну вещей, мы не можемъ не видѣть, что различныя частныя свойства и субстанціи начинаютъ существовать, и что они получаютъ это свое существованіе отъ постояннаго примѣненія и дѣятельности какого-либо иного бытія. *Изъ этого наблюденія мы получаемъ идеи причины и дѣйствія*“ ⁴⁾ Такимъ же путемъ объясняется происхожденіе идей тождества и различія ⁵⁾. На поверхностность Локкова мнимо эмпирическаго объясненія идеи и силы обращалъ вниманіе уже Юмъ ⁶⁾. Только относительно идеи субстанціи Локкъ прямо сознается, что она не дана намъ ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ опытомъ, хотя при этомъ — конечно, совершенно напрасно — думаетъ избѣжать затрудненія, приравнивая эту идею къ чистому ничто ⁷⁾, — Идея Божества по своему содержанию возникла такъ же, какъ другія сложныя идеи, чрезъ соединеніе нѣсколькихъ идей, въ данномъ случаѣ чрезъ соединеніе идеи субстанціи съ идеями знанія, могущества, продолжительности, увеличивая ихъ при этомъ до безконечной

1) Essay, v. IV, ch. 1, § 4; ch. VIII § 3.

2) Серебренниковъ, I. с. 218 стр.

3) *ibid.* 221 стр., прим. 2.

4) В. II, ch. XXVI, § 1.

5) *ibid.* ch. XXVII, § 1.

6) David Hume. An enquiry concerning human understanding, section VII. Лондонское изданіе 1867 года подъ заглавіемъ: Essays and Treatises on several subjects, vol. II, p 75; ср. Locke's Essay v. II, ch. 21.

7) Essay, v. I, ch. IV, § 1.

степени ¹⁾. Самая же идея безконечности имѣетъ только отрицательный характеръ ²⁾ и отвлечена отъ идей—пространства, времени, числа, въ которыхъ она содержится вслѣдствіе отсутствія основаній полагать гдѣ-либо имъ предѣлы ³⁾. Локкъ однако не могъ не видѣть, что существо, служащее объектомъ этой идеи, не только не встрѣчается въ опытѣ, но и не можетъ быть предметомъ опыта. Откуда же мы беремъ основаніе для образованія идеи и для утвержденія ея реальности? Локкъ указываетъ такихъ основаній два; во-первыхъ, неизбѣжность заключать отъ существованія временнаго къ бытію вѣчному, отъ міроваго благоустройства къ его Премудрому Виновнику; во-вторыхъ—откровеніе ⁴⁾. Последнее едва ли вытекаетъ изъ началъ эмпиризма; но и первое не совсѣмъ въ согласіи съ ними, поскольку неизбѣжность прилагать законъ причинности къ вопросу о происхожденіи міра и его порядка Локку вовсе не удалось бы доказать изъ опыта.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ осуществленіи своего эмпирическаго идеала Локкъ перѣдко отступалъ отъ строгости его требованій. Но онъ всегда дѣлаетъ это такъ, что, повидимому, совсѣмъ не замѣчаетъ отступленія. Поэтому, если не на самомъ дѣлѣ, то по намѣренію остается почти всюду эмпирикомъ.

И. Горюденскій.

¹⁾ *ibid.* В. II, ch. XXIII, §§ 33—35

²⁾ *ibid.* В. I, ch. XXII, § 16.

³⁾ *ibid.* §§ 1—3.

⁴⁾ *ibid.* В. II, ch. XXIII, 12: Ср. Серебренникова I. с. стр. 226—225.